УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 148, кн. 1 Гуманитарные науки *2006*

УДК 11

ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ МИР: РОССИЯ В СИТУАЦИИ ВЫБОРА

Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова

Аннотация

В статье глобализация рассматривается как системная трансформация, затрагивающая все мировое сообщество. Проанализированы существующие в западной и отечественной теории культуры подходы к осмыслению противоречивых тенденций в глобализационных процессах. В статье делается акцент на социокультурных аспектах этих процессов. Подчеркивается, что глобализация и тенденция к сохранению идентичности являются двумя взаимосвязанными полюсами в исследовании современных социокультурных процессов. Особое внимание уделяется необходимости анализа повседневности как одного из оснований идентичности общественной жизни в процессе глобализации, что дает возможность воссоздать более дифференцированный образ социокультурной ситуации. Рассмотрение современной ситуации в России и в мире осуществляется в рамках многовариантности общественного развития. Рассматривается проблема культурно-исторического выбора и его роли в общественном развитии.

Одним из важнейших событий современной истории является процесс глобализации, который охватывает все сферы общественной жизни и ведет к быстрому радикальному изменению мира. Сегодня термин «глобализация» – один из самых часто употребляемых, но при этом он весьма расплывчатый, исследователи дают разное его толкование, что можно объяснить как «молодостью» самого термина (его стали использовать лишь в середине 1980-х гг.), так и незавершенностью самого процесса. Существуют различные подходы к определению явления глобализации, его хронологических рамок; ученые дают различную оценку этому феномену, его возможным последствиям. В целом большинство исследователей сходятся в том, что глобализация есть процесс становления единого взаимосвязанного и взаимозависимого мира, формирования универсальных человеческих принципов и ценностей (эту точку зрения разделяют отечественные ученые-обществоведы В.Л. Иноземцев, Н.В. Мотрошилова, А.С. Панарин, А.И. Уткин, западные исследователи И. Валлерстайн, Р. Робертсон, С. Холл). Известный американский социолог, авторитетный исследователь глобализационных процессов Э. Валлерстайн определяет их следующим образом: современные процессы, происходящие на глобальном уровне, – это процессы переходного состояния, причем переходное состояние не каких-то отдельных стран, которые стремятся не остаться вне этого процесса, но переходное состояние, в результате которого вся мировая капиталистическая система трансформируется в нечто новое.

Английский социолог Э. Гидденс предлагает рассматривать глобализацию с точки зрения концепции системных изменений как множественных и сложных. Он подчеркивает, что в современном обществе в данный момент доминирует некая основанная на знании абстрактная система, которая координирует человеческую деятельность и способна ограничить индивидуальные действия и индивидуальный выбор.

Глобализация представляет собой единство объективного (реальный процесс усиления взаимосвязанности мира, интенсификации экономических, социальных, политических и культурных взаимоотношений, ведущий к образованию единых экономических, информационных и культурных пространств) и субъективного (осознание мира как единого целого). Как отмечает Р. Робертсон, понятие «глобализация» «отражает как объективный процесс сжатия мира, так и усиление осознания мира как целого» [1, с. 75], эту сторону глобализации подчеркивает и И. Валлерстайн. Он говорит, что «одновременно с появлением национальных государств с их собственными границами в мире шел и процесс формирования мирового сознания, осознания чего-то, что называется человечеством» [2, с. 92].

Формирование представления о мире как о едином целом является важнейшей составляющей мировоззрения современного человека, современной картины мира. (Эту мысль, только в несколько ином контексте, высказывает А.Я. Гуревич. Рассматривая сознание людей в различные исторические эпохи, он отмечает: люди античности или Средневековья не имели представления, что живут в «древности» или в «Средние века»; в более поздние времена – осознают прописку в них, и это является неотъемлемым и осязаемым фактором их мировоззрения) [3]. Формирование глобального сознания происходит стихийно под воздействием современных экономических и социокультурных реалий. В то же время идеологами глобализма ведется очень интенсивная работа по формированию и распространению ценностей и принципов глобализационного сознания, мирообъяснения.

Что касается хронологических рамок глобализации, то и здесь разброс мнений достаточно широк: некоторые исследователи считают, что всю историю человечества можно рассматривать как непрерывный процесс объединения; по мнению других, он начался около 500 лет назад. Большинство ученых придерживаются точки зрения, что процесс сближения стран и континентов охватывает всю историю человечества, но революционно быстрыми темпами он осуществлялся на рубеже XIX – XX веков и XX – XXI веков; при этом если на первом этапе ведущую роль в этом процессе играла Британская империя, то на втором – безусловным лидером являются США [4, с. 27]. А.И. Уткин в качестве источников феноменальной глобализации последних десятилетий называет: фундаментальные изменения в способах коммуникаций; новый характер инвестирования; новое аналитическое восприятие мира [5, с. 12–14, 24]. Безусловно, большую роль в интенсификации этого процесса сыграло и крушение мировой системы социализма, в результате которого значительно расширилось пространство с относительно однотипными рыночными отношениями.

Протекающий в современном мире процесс глобализации имеет очень сложный и противоречивый характер. Наряду со все более отчетливо проявля-

ющейся тенденцией к единению мира существует и ярко выраженная тенденция к его фрагментации, обособлению отдельных стран и регионов, что обусловило введение в научный оборот таких терминов, как «глокализация», «фрагмегративность», отражающих двуединство этих процессов. В то же время сама глобализация способствует усилению разнообразия, и, как считает Р. Робертсон, последнее является базовым аспектом глобализации [1, с. 172].

К оценке исследуемого феномена существуют различные, порой полярные, подходы. В общественной мысли США и Европы превалирует оценка глобализации как триумфа западной цивилизации. Представители этого подхода исходят из того, что западная техногенная цивилизация порождает тенденцию глобального развития, для которой характерны унификация, нивелирование многообразных форм социальной и национальной жизни. В то же время многие исследователи считают недопустимой мысль о том, что в общественной мысли все-таки преобладает скорее позитивная оценка глобализационных процессов, в основе которой лежит прежде всего осмысление объективного, неизбежного характера глобализации на всех ее уровнях. Так, С. Холл, задаваясь вопросом, является ли глобализация ничем иным, как триумфом и концом истории, осуществленной Западом, отвечает, что обратной стороной этого процесса является усиление неравенства [4, с. 33]. Подавляющее большинство российских ученых также дают обоснованную критику исследуемого явления.

Следует отметить, что все же в последнее время акцент на противоречивости последствий глобализационных процессов звучит все явственнее, что отражается даже в стремлении подвергнуть сомнению сам термин «глобализация» как в определенной мере «скомпрометировавший» себя. Так в докладе «Глобализация: взаимодействие в рамках многообразия» С. Роцеска небезосновательно замечает, что доминирующие на современном этапе неолиберальные теории глобализации носят поразительно торжествующий характер. Она считает, что концентрирование внимания на противоречивых социальных сдвигах, которые неизбежно сопровождают экономическую глобализацию, требует сегодня гораздо более критических оценок. Поэтому она предлагает в качестве альтернативного термину «глобализация» понятие «социальная трансформация», которое, по ее мнению не предполагает ни какого-либо заранее определенного результата, ни позитивной сущности процесса. В связи с этим она считает, что социальная трансформация может рассматриваться как антитезис глобализации [6].

В современных исследованиях глобализационных процессов традиционно внимание исследователей к новой возникающей реальности сосредоточивается на нескольких важнейших аспектах изучения этих процессов: геополитическом, геоэкономическом, а также социокультурном. При этом именно последний рассматривается как наиболее перспективный в целях решения многочисленных экономических, политических, религиозных и других противоречий, сопровождающих современное цивилизационное развитие. Поэтому все большее внимание исследователей сосредоточивается на процессах культурной глобализации в мире. Однако, несмотря на относительную устойчивость данного термина, нельзя утверждать, что все исследователи вкладывают в него одина-

ковое содержание. Обнаруживается, что не только термин «глобализация», ни и само понятие «культура» по-прежнему остается неоднозначным.

Ж. Вульф справедливо подмечает, что авторы в своих дискуссиях о культурно-глобализационных процессах без каких-либо комментариев переходят от одного значения слова «культура» к другому. Так, отмечает она, это слово может означать: 1) образ жизни (Ханнерц); 2) искусство и средства массовой коммуникации (Ханнерц, Холл); политическая или, возможно, религиозная культура (Валлерстайн); 4) отношение к глобализации (Робертсон) и др. Автор заключает, что это обусловлено прежде всего многообразием различных процессов, институтов и дискурсов – их разделение и тщательный анализ, по ее мнению, являются решающими для любых дискуссий о культуре в глобальном контексте [7].

Такая неоднозначная трактовка самого термина «культура» вполне оправдана чрезвычайной сложностью и многоуровневостью последней, что является общепризнанным. Даже упомянутые авторы подчеркивают это. Так И. Валлерстайн пишет, что само понятие «культура» характеризуется чрезвычайной парадоксальностью. С одной стороны, культура по определению партикуляристична (культура, по его характеристике, – это совокупность ценностей или форм деятельности – то, что человек чувствует или совершает, в отличие от других людей, которые этого не чувствуют или не совершают). С другой стороны, продолжает он, эти ценности всегда соотносятся с универсальными, или универсалистскими, критериями [8].

Неоднозначность терминов «глобализация» и «культура» совершенно очевидно и логично порождает неоднозначность определения понятия «культурная глобализация» и, тем более, оценок ее сущности и последствий. Все чаще исследователи начинают подчеркивать негативность этих новых последствий для мировой системы в целом. Так, отмечается противоречивость глобализации в ее экономической составляющей, дающей вовсе не одинаковый эффект в разных странах: как и все новые парадигмы, глобализация порождает тех, кто приобретает, и тех, кто теряет (Pires O'Brica, 2000). В данной связи часто подчеркивается, что глобализация есть часть процесса общей экономической трансформации, которая приносит выгоды немногим за счет многих (Murshed, 2000) [1, с. 48]. Обусловленность культурных процессов социальными, а в конечном счете – экономическими – вполне в марксистском духе подчеркивает уже упомянутая нами Ж. Вульф, пытаясь примирить конфликтность существующих культурных теорий. Она точно подмечает, что за всеми культурными процессами и институтами в конечном счете лежат социальные отношения, в которых они (культурные процессы – *Г.Г., О.И.*) существуют (и которые они производят). Эти же социальные отношения, как и культурные тексты и институты функционируют в глобальном контексте, в контексте, в свою очередь состоящем из экономических и материальных факторов, социальных отношений и идеологий.

Взаимозависимость культурной глобализации с аналогичными процессами, происходящими в других сферах жизни общества, – еще одна особенность современных представлений. С. Холл, рассматривая новые формы глобализации, отмечает, что в исследованиях последних лет современная глобальная массовая

культура рассматривается в таких терминах, как технология, капитал, передовое производство, которые в то же время преимущественно сосредоточены на Западе. Среди множества характеристик современной глобальной культуры, по его мнению, следует выделить две главные: 1) центром глобализационных процессов является Запад (при этом он отмечает новый вид глобализации – американский); 2) глобальная массовая культура – специфическая форма гомогенизации [4, с. 27–28]. Тенденция к рассмотрению культурной глобализации как культурной гомогенизации, утере культурной разнородности в глобальном масштабе – еще одна неотъемлемая черта рассмотрения современных культурно-глобализационных процессов в мире.

События последних лет в нашей стране и в мире в целом ярко продемонстрировали, что культура является одним из решающих факторов общественного развития, поэтому чрезвычайно актуально осмысление ее роли в глобализационном процессе. Сегодня перед обществоведами стоит задача разработки теории культуры в контексте глобализации, т. к. последняя обусловливает как появление принципиально новых культурных феноменов, так и специфические черты явлений давно известных.

Главной задачей культуры является формирование системы ценностей, ориентиров, которая позволила бы человеку определить свое место в мире, идентифицировать себя с той или иной социальной общностью, помочь человеку адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям жизни, и эта задача приобретает особое значение и специфику в современных условиях.

Важнейшей составной частью процесса глобализации является формирование глобальной культуры, которую часто трактуют как культурную гомогенизацию в мировом масштабе. По мнению ряда исследователей, как идея единства мира, так и идея глобальной культуры имеет очень долгую историю, поскольку все национальные культуры формировались в процессе взаимодействия с другими. В то же время в культуре всегда действуют тенденции к гомогенизации и дифференциации, и усиление одной из них неизбежно ведет к усилению другой. Сегодня борьба этих двух тенденций проявляется особенно ярко. Интенсификация межкультурных контактов (туризм, СМИ, интернет, формирование глобальной международной образовательной среды) способствуют гомогенизации культуры, в то же время обостряется проблема культурных разрывов между различными регионами, а по мнению А.С. Панарина, глобализация несет в себе угрозу раскола мира на приспособленную культурную расу («золотой милиард») и неприспособленную (большинство населения планеты) [9, с. 184].

Сегодня необходимо глубокое и всестороннее исследование вопроса о роли культуры в процессе глобализации. Поскольку глобальный мир представляет собой единую социокультурную систему, то, как отмечалось выше, важнейшей задачей является разработка и распространение универсальных общечеловеческих принципов и ценностей. При этом обычно подразумеваются западные ценности (прежде всего ценности американской культуры), что часто вызывает отторжение и сопротивление, обостряет стремление к сохранению культурной самобытности и идентичности. Об этой « угрозе» говорит М. Каплан: «Западной культуре бросают вызов группы населения, находящиеся внутри самих за-

падных обществ. Один такой вызов исходит от иммигрантов, прибывших из иных цивилизаций, которые отвергают ассимиляцию и продолжают сохранять приверженность своим ценностям, обычаям, своей культуре…» [10]. Это, в частности, очень ярко продемонстрировали недавние события во Франции, которые показали, что значительная часть второго поколения иммигрантов, проживая в Европе и пользуясь всеми материальными благами, категорически отказывается принимать и разделять ценности европейской культуры.

У этой проблемы есть и другие аспекты: часто безусловно положительные элементы и ценности одной культуры, будучи перенесенными в иную социокультурную среду, искажаются, принимают уродливые формы и приводят к очень неоднозначным последствиям (например, выборы в Палестине, демократичность которых никем не оспаривается, привела к победе политической группировки, которую во многих странах считают террористической). Также широко распространено явление, когда культурные феномены, органически присущие одной культуре и являющиеся ее важной составляющей, принимаются и приживаются в другой культуре как нечто внешнее, поверхностное. Это делает актуальной задачу минимизации вреда, возникающего в результате подобного рода межкультурного взаимодействия.

Процессу глобализации культуры имманентно присущи глубокие противоречия. Прежде всего, по мнению А.С. Панарина, возможность новых потрясений содержит в себе то, что к системе глобализирующегося мира различные народы и государства подошли неодинаково подготовленными [9, с. 184]. Для того чтобы быть принятыми в «клуб избранных», многим странам и народам необходимо изменить или вовсе отказаться от своих веками формировавшихся ценностей, сложившихся традиций и принять новые, т. е. пройти рекультуризацию, что, безусловно, является очень сложным и болезненным процессом, слишком дорогой ценой, которую не все народы готовы заплатить.

Усиление межкультурных контактов и взаимодействий между цивилизациями, государствами, народами также ведет к неоднозначным последствиям и вызывает неоднозначную реакцию у представителей различных культур. В этом смысле очень интересной и показательной является позиция Махатмы Ганди, который писал: «Я не хочу, чтобы мой дом со всех сторон окружал забор и чтобы окна были закрыты. Я хочу, чтобы ветры культуры всех стран овевали мой дом настолько свободно, насколько это возможно. Однако я отказываюсь, чтобы ветры культуры сбивали меня с ног».

Миграция населения, приток иммигрантов ведет к усилению мультикультурности и полиэтничности внутри государств. Складываются культурные анклавы, представители которых не могут, а часто и не хотят интегрироваться в существующую в данном обществе культурную среду, что также чревато очень серьезными потрясениями. В то же время многие авторы разводят понятия мультикультурности и полиэтничности (Р. Робертсон, С. Холл). Действительно, сегодня в рамках одного этноса часто сосуществуют различные культуры, в то же время представители различных этносов часто идентифицируют себя как принадлежащих к единой культуре.

Нередко процесс дифференциации выражается в крайних формах – национализма и фундаментализма, выступающих как обращение к истокам культуры

и религии, как попытка представителей различных народов и конфессий вновь обрести свою идентичность. Поэтому отмеченные выше явления имеют объективные основания в условиях глобализирующегося мира, и некоторые авторы (Р. Робертсон) даже рассматривают фундаментализм как реакцию на глобализацию, как аспект глобальной культуры.

Глобализация и тенденция к сохранению культурной идентичности стали двумя взаимопредполагаемыми полюсами в исследовании современных социокультурных процессов. Культурная идентичность так же, как и глобализация, рассматривается через призму многофакторности, многоуровневости. В современной западной общественной мысли все чаще используются самые различные термины, связанные со стремлением авторов отразить процессы усиления тенденций формирования и сохранения национальной и культурной идентичности: релокализация, ренационализация, партикуляризм, локальность и многие другие. Несмотря на такое терминологическое многообразие, а порой и расхождение, большинство исследователей сходятся на необходимости одновременного учета обоих этих полюсов при изучении современной социокультурной динамики. Так, к примеру, Р. Робертсон и И. Валлерстайн формулируют эту идею как одновременность универсализма и партикуляризма [11]. С. Холл говорит о том, что возвращение к локальному часто является ответом глобализации. При этом он справедливо подчеркивает, что идентичность, как и глобализация, является процессом, она никогда не бывает завершена, закончена.

Соотношение одновременности глобализации и культурной идентичности, таким образом, является одной из центральных проблем изучения современной социокультурной жизни. Это в полной мере отвечает потребности многомерного понимания социокультурных процессов. Особенно такую многомерность анализа необходимо иметь в виду, когда речь заходит об осмыслении идентификационных противоречий Российского общества. Как отмечает В. Страда, из всех европейских стран именно идентичность России вызывает наибольшие споры, о чем свидетельствует современное русское культурное сознание, занятое определением того, какова «природа» России. Современные исследователи, говорит он, пытаются установить это в свете сопоставления России с «Востоком» и «Западом», как будто только на фоне этих двух понятий можно выявить «лицо» России, видя в ней либо «восточные», либо «западные» черты, либо одновременно и то, и другое, а порой и ни то, и ни другое, и утверждают, что она принципиально «иная» [12].

Выражением необходимости учитывать названные полюсы при рассмотрении перспектив развития России является одновременное присутствие асинхронных теоретических парадигм: модернизованной и традиционной, при этом абсолютизация любой из них вызывает определенные сомнения. Мир постоянно меняется, а вместе с этим меняются и прежние представления о месте стран в мировом историческом процессе. В числе новых критериев все более важное место отводится сегодня современным высоким технологиям и трансгосударственным экономическим процессам, связывающим отдельные национальные экономики в единую мирохозяйственную систему. К их числу относят и военно-технические достижения, и информационные средства связи, и глобальную информационную среду. Место прежней прямой территориально-государствен-

ной экспансии занимает «тихое» экономическое и культурное расширение, отмечает Б.С. Ерасов [13].

Ориентация на индустриально-капиталистическое развитие как мировую тенденцию и обусловливает приверженность многих исследователей на модернизационный проект перспективы России. Аргументы сторонников этой теории в целом сводятся к тому, что путь Запада должен пониматься как некая историческая судьба, которую не могут избежать другие страны мира. Отмечается, что абсолютизация уникальности и специфичности «судьбы России» является опасной и несостоятельной (В. Страда). Факты опережения нас Западом в технико-экономическом отношении и победы в «холодной войне» являются также немаловажными аргументами при определении выбора дальнейшего развития. Как пишет А.С. Панарин, идентификация с Западом зачастую определяется в значительной мере с позиций потребительского волюнтаризма: мы хотим «жить как на Западе», поэтому намерены стучаться в «европейский дом». Однако, отмечает он, «эта наивная «мораль» успеха, готовность поменять идентичность, казалось бы, во имя эффективности, оказалась крайне неэффективной – возвращение в «европейский дом» не состоялось: культурно-цивилизационная принадлежность страны – не столько вопрос свободного выбора, сколько явление исторической судьбы [14].

Сторонники традиционалистских теорий в качестве важнейшего своего аргумента отмечают, что уже сам термин «модернизация» скомпрометировал себя прежде всего за счет прямолинейной привязанности к реалиям западного общества. Запад критикуется за его бездуховность, за порождение частно-индивидуалистических ориентаций, обесценивание подлинно человеческих отношений и т. п. В отличие от модернизационного, этот путь развития видится как взаимодействие традиционных и современных ценностей в процессе поиска новой идентичности российского общества, при котором происходит не отказ от прежних систем социокультурных ориентаций, а прежде всего, их использование как важнейшего фактора мобилизации и интеграции общества. В качестве главной отличительной черты русской культуры при сравнении с западной рассматривается то, что прагматические ценности в ней не имеют самостоятельного и, тем более, самодовлеющего характера, они подчинены более значимым ценностям соборности, справедливости, духовности, самоотверженности и служения.

И модернизационные, и традиционалистские теории вполне вписываются в русло неоэволюционистских теорий культуры. Так, современные развитые общества предстают как такая совокупность необратимых социокультурных изменений, которая обеспечивает имеющим ее социальным системам определенные гарантии развития, поступательности. К культурным же чертам, характерных для традиционалистских (расположенных ниже на шкале эволюции) обществ в отличие от модернизованных (занимающих высшую позицию на эволюционной шкале), относят: современные, базирующиеся на научном знании технологии и производство, сменившие традиционный ручной труд; демократический политический режим, сменивший авторитарные и олигархический; универсалистская система законов, сменившая обычное право; социальный статус, достигаемый путем личных усилий, сменивший статус, предписанный

по рождению; рационализация социокультурной жизни, сменившая ее мифологизацию; универсалистская философия человека, общества, культуры, сменившая партикуляристскую, узко локалистскую, националистическую. Все эти черты рассматриваются как важнейшие факторы общей эволюции. Однако, как отмечает Э.А. Орлова, модернизационные процессы не могут распространяться беспрепятственно. Проблема в том, что механизмы регулирования динамических процессов в социальных системах воплощены не только в их социальных институтах, экономических и политических организациях, но и концентрируются прежде всего на уровне привычек, нравов, стереотипов поведения.

На наш взгляд, здесь затрагивается достаточно серьезная проблема. Дело в том, что преобладающее большинство исследований по проблемам модернизационных или глобализационных изменений, затрагивающих состояние современной России, сосредоточивается при осмыслении социокультурных процессов преимущественно на сферах общественной жизни, в большей степени поддающихся рационализированному познанию. Вне поля внимания остается повседневная жизнь общества, которая не всегда может быстро приспособиться к изменениям институализированных областей жизни. Отсутствие должного внимания к сфере повседневности связано и с тем, что традиционно при изучении локальных и глобальных процессов исследовательский интерес сосредоточивается преимущественно и выборочно на том, что считается наиболее значимым с точки зрения репрезентативности для общества и культуры «в целом» [15], при этом именно повседневная жизнь нашего общества не входит в эту выборку и остается малоизученной, прежде всего с точки зрения влияния на нее современных глобализационных процессов. Однако именно «устойчивость структур повседневности есть одно из оснований идентичности образа жизни как такового» [16].

При определении повседневности для его раскрытия большинство авторов привлекают такие понятия, как стиль жизни, образ жизни и чаще всего – обыденность. Так, Б. Вальденфельс использует фактически как синонимы понятия «повседневность», «обыденность», «обыденная жизнь».

Правда, в конечном счете он преодолевает отождествление повседневности и обыденности: «повседневность только тогда сохраняет или даже приобретает силу сопротивления против нажима упорядоченной рациональности, когда она сама становится большим, чем просто повседневная жизнь, то есть когда она сама себя превосходит. Это превосходство над собой возможно, пока повседневное сохраняет свою обратную сторону – внеповседневное. Обратная сторона не означает чего-то целого или более высокого, а означает переливающееся красками иное, которое нельзя подчинить даже с помощью экспертов чистого теоретического, практического или технического разума, которые мнят себя выше всех закоулков повседневности» [17].

Майк Фезерстоун, выделяя аспекты изучения повседневности, называет следующие:

1) то, что происходит рутинно, чему присуща повторяемость, обыденность, отсутствие выдающихся, необычных событий;

2) сфера репродукции и поддержания жизни; это преинституциональная зона; сфера базовой деятельности, в которой участвуют преимущественно женщины;

3) это область настоящего, текущего, характеризуемая чувством погруженности в непосредственно данное;

4) акцент здесь делается на чувственности; характерно пребывание с другими людьми во фривольных (поверхностных), игривых отношениях; характеризуемое неиндивидуализированным чувством пребывание во внешних спонтанных видах деятельности;

5) знание – гетерогенное, с преобладанием беспорядочной текучести множества языков над линейностью письменного языка (см. [18]).

Изучение подобных зон, характеризующихся структурной неопределенностью, изучение нерациональных аспектов человеческого мировосприятия в процессе глобализации, на наш взгляд, оказывается весьма перспективным, поскольку это дает возможность воссоздать более дифференцированный образ социокультурной ситуации, а следовательно, учитывать внутреннюю сложность культурно-глобализационных процессов. Это тем более актуально для России, для которой характерна слабость именно срединной и повседневной культуры. Как отмечает Н.Н. Зарубина, если на самом деле заботиться о том, чтобы сохранить самобытный облик России, то надо думать не только о высших ценностях и идеалах, но и о повседневных «мелочах», тогда как массированное внедрение потребительских стереотипов западной цивилизации, осуществляемое через средства массовой информации, в особенности электронные, через навязчивую рекламу, не усиливает, а подрывает срединную культуру, поскольку происходит заимствование лишь ее внешних гедонистических элементов без соответствующей им нормативной и ценностной основы [19].

Глобализация может вовлекать в себя различные стороны общественной жизни, при этом наиболее инертным в плане воздействия на него остается тот пласт общественной жизни, который мы называем повседневной жизнью, при том что отдельные элементы повседневности в условиях глобализации могут становиться чрезвычайно подвижными. Известно, что источником культурной инновации является прежде всего индивидуальный опыт людей, который в наибольшей степени интегрирован именно в повседневность. Поэтому в последнее время теории субъектов глобализации, в частности, наций начинают дополняться постановкой проблем повседневности, повседневного общения, рассматриваемых в качестве важнейших факторов формирования самосознания и идентичности больших социальных групп. Так, к примеру, именно повседневность рассматривается как сфера, в которой в наиболее отчетливой форме возникает непреодолимый барьер в межнациональных отношениях. Возможно, это связано с тем, что в сфере повседневности в наибольшей степени и глубинно укоренены предубеждения и стереотипы, в том числе и касающиеся национальных проблем. Культурная антропология выявила, что стереотипы, возникающие благодаря процессу типологизации, влияют на переработку информации таким образом, что о своей группе более запоминается позитивная информация, а о чужой – негативная, а кроме того, стереотипы могут ограничивать коммуникативное поведение других тем, что подтверждает стереотипные пред-

ставления о них [15, с. 197]. Поэтому при исследовании культурно-глобализационных процессов интерес ученых все настойчивее смещается с изучения макропроцессов на постижение микроизменений в сфере культуры, а также межкультурного взаимодействия. Повседневность позволяет выявить источник противоречий, которые на уровне межгосударственном, межцивилизационном стали предметом анализа многочисленных исследований, поскольку в гораздо большей степени поддаются рационализации.

Познание безусловно сложных процессов современного мира может быть более адекватным, если оно будет осуществляться через призму многовариантности, альтернативности общественного развития. Надо отметить, что под альтернативной мы понимаем ситуацию, когда может быть реализована одна из двух полярных возможностей, а о многовариантности можно говорить, когда имеют место множество различных возможностей. Историю общества можно рассматривать как непрерывный процесс завязывания и развязывания узлов альтернатив, и вызревание альтернативных направлений развития происходит в узловых, критических точках исторического развития. При этом победившая альтернатива реализуется не «в чистом виде», ее формирование происходит в процессе взаимовлияния с альтернативой побежденной, и осуществившийся вариант исторического развития несет на себе следы тенденций, не сумевших взять верх в этой борьбе. Реализация же каждой из альтернатив многовариантна. Таким образом, основу многовариантности составляет широкий спектр возможностей (путей, форм, характера, сроков) разрешения альтернатив. Эта многовариантность обусловлена тем, что в социальных группах, стоящих на противоположных позициях и являющихся носителями альтернативных тенденций, существуют, как правило, различные группировки, придерживающиеся широкого спектра взглядов. Итак, история всегда содержит в себе ряд потенциальных возможностей, но, во-первых, они имеют далеко не равные шансы для реализации, а во-вторых, веер возможностей может быть в различные исторические периоды более широким или более узким. Что касается вероятности реализации, то наибольшие шансы, как правило, имеет та альтернатива, предпосылки которой вызрели в большей степени, но неправомерно полагать, что необходимо побеждает тенденция, в наибольшей степени отвечающая потребностям развития общества. Объективно заложенная в действительности альтернативная возможность получает свое субъективное выражение, оформляется идеологами групп, являющихся носителями этой возможности. В то же время нельзя недооценивать роли в этом процессе и широких масс, общественных организаций и объединений. Сегодня очевидно, что существует большое число «возможных будущих», и чтобы оно в наибольшей степени отвечало нашим устремлениям, необходимо прорабатывать вероятные варианты развития, определять наиболее благоприятные и направлять усилия на их реализацию.

Очевидно, что глобализации как объективной тенденции, главным содержанием которой выступает формирование единого экономического, политического, информационного и культурного пространства, нет альтернативы, но пути реализации этой альтернативы многообразны. Глобализация может протекать, как это происходит сегодня, в русле, которое прокладывает и навязывает другим странам и народам западная цивилизация, а может осуществляться

через раскрытие потенциала и иных цивилизационных субъектов и культур. Что касается России, то у нее нет иного пути, как стать современной страной, освоившей ценности и достижения мировой цивилизации, влиться в единое глобализирующееся пространство. В то же время у страны есть возможность выбора своего варианта развития в данном направлении.

В современную эпоху происходит резкое обострение межцивилизационных противоречий: Запад-Восток, христианская – исламская цивилизации, страны, адаптированные к современным условиям и еще не сумевшие этого сделать. Большую роль в обострении последних сыграло и окончание «холодной войны», т. к. в то время эти противоречия имели обличье идеологического противостояния. Об этой угрозе говорил С. Хантингтон: «Фундаментальным источником конфликтов в возникающем новом мире будет не идеология и не экономика. Величайшей разделяющей человечество основой будет культура… основные конфликты в мировой политике будут происходить между нациями и группами наций, представляющими разные цивилизации» [5, с. 173]. В современном мире происходит усиление цивилизационного, национального самосознания (при этом отчетливо проявляется следующая тенденция: национальная идентичность усиливается на периферии и все больше подвергается эрозии в центре, что очень ярко проявляется и на сегодняшнем постсоветском пространстве); в России же этот процесс имеет свои специфические черты.

Россия страна многонациональная и поликонфессиональная; часть ее населения эмоционально и культурно отождествляет себя с западной, христианской цивилизацией, в то время как значительная масса населения отождествляет себя с цивилизацией восточной (исламской, буддистской). Россия – страна становящейся цивилизации, для нее характерна незавершенность цивилизационного развития, вопрос о ее цивилизационной принадлежности и по сей день остается открытым. Страна решает проблему выбора, в ситуации которого она находится на протяжении практически всей своей истории. Теоретическое осмысление проблемы выбора, прежде всего исторического выбора, его социокультурных оснований сегодня, на наш взгляд, приобретает особое значение, и это значение определяется ситуацией, сложившейся как в мире в целом, так и в нашей стране. Выбор объективно обусловлен существованием в общественном процессе множества различных вариантов развития; с другой стороны, только от исторического выбора социального субъекта зависит, которая из содержащихся в объективной реальности тенденций станет ведущей, претворится в действительность. В то же время выбор осуществляется социальным субъектом, который оценивает ситуацию на основе имеющегося у него исторического опыта, своей социокультурной идентичности, целей и идеалов. Сегодня выбор в нашей стране (да и не только в нашей) в значительной степени осуществляет элита, преследующая свои, часто совершенно не отвечающие интересам своих стран и народов, цели и задачи. В современных условиях основанное на адекватном анализе протекающих в глобализирующемся мире процессов, все более активное участие в этом акте представителей различных слоев и социальных групп, являющихся носителями различных тенденций, способствовало бы уменьшению их болезненности, минимизации возможных негативных последствий.

Summary

G.K. Gizatova, O.G. Ivanova. The globalizing world: Russia facing the choice.

The article is concerned with the problem of sociocultural aspects of globalization. One of the most urgent contemporary questions is the need to conceptualize and analyze issues related to the "globalization of culture". The processes of cultural change demonstrate that we should take into account the global trajectories of the civilizing process and differentiated modes of difference and diversity as well. Ideas of Western and Russian scholars focusing on questions of global transformation, homogenization and identity formation have been brought together. The internal cultural complexity suggests an increasing interest to different aspects of everyday life as a foundation of identity. The modern sociocultural situation in the world and in Russia is considered within multivariant approach, the role of cultural-historical choice in social development is analyzed.

Литература

1. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. – London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1994.
2. *Wallerstein I.* The National and the Universal // Culture Globalization and the Word-System. – London, 1991.
3. *Гуревич А.Я.* Средневековье как тип культуры // Антропология культуры. – М.: О.Г.И., 2002.
4. *Hall S.* The Local and the Global: Globalization and Ethnicity // Culture Globalization and the World System. – London, 1991.
5. *Уткин А.И.* Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2002.
6. *Роцеска С.* Глобализация: взаимодействие в рамках многообразия // Глобализация и крупные полупериферийные страны. Научн. докл. – Вып. 1. – М.: Междунар. отношения. – 2003. – С. 47.
7. *Wolff J.* The Global and the Specific: Reconciling Conflicting Theories of Culture // Culture Globalization and the World System / Ed. by Anthony D. King. – Department of Art and Art History. State University of New York at Binghampton, 1991. – P. 167–168.
8. *Wallerstein I.* The National and the Universal: Can there be Such a Thing as World Culture // Culture Globalization and the World System. – P. 91.
9. *Панарин А.С.* Глобализация // Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – С. 183–185.
10. Глобализация: человеческое измерение. – М.: РОССПЭН, 2003.
11. *Robertson R.* Social Theory, Cultural Relativity and the Problem of Globality // Culture Globalization and the World System. – P. 74.
12. *Страда В.* Россия, Запад, Восток и современность // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Изд-во Ин-та Востоковедения РАН, 1996. – С. 318.
13. *Ерасов Б.С.* О геополитическом и цивилизационном устроении Евразии // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Изд-во Ин-та Востоковедения РАН, 1996. – С. 91.
14. *Панарин А.С.* Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Изд-во Ин-та Востоковедения РАН, 1996. – С. 36–37.
15. *Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология. – М.: Академический Проект, 2004.

16. *Генисаретский О.И.* Еще раз о средовом проектировании и проектностной культуре // Кентавр. – 1996. – № 2. – С. 27.
17. *Вильденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социологос. – М.: Прогресс, 1991. – Вып. 1. – С. 46.
18. *Featherstone M.* Heroic Life and Everyday Life // Cultural Theory and Cultural Change. SAGE Publications. – London, Newbury Park, New Delhi, 1992. – P. 160–161.
19. *Зарубина Н.Н.* «Русский путь» и восточная самобытность: сравнение типов хозяйственной ориентации // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Изд-во Ин-та Востоковедения РАН, 1996. – С. 378–379, 357.

Поступила в редакцию
23.01.06

Гизатова Гульназ Казбековна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казанского государственного университета.

Иванова Ольга Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казанского государственного университета.